

Людмила Крагель

Тополь, крыша и Иринка

Людмила Крагель
Тополь, крыша и Иринка

«Автор»

2026

Крагель Л.

Тополь, крыша и Иринка / Л. Крагель — «Автор», 2026

Это книга воспоминаний — тёплых и пронзительных, смешных и щемящих. О дружбе, которая начиналась под старым тополем. О фанерных посылках с антоновкой и сгущёнкой — как осязаемом знаке любви издалека. О дворе, где у каждого была кличка и своё место. И о том дне, когда детство внезапно разделилось на «до» и «после». Перед читателем — не просто частная история, а образ времени и поколения, выросшего в пространстве двора, где мир казался бесконечным, а счастье — простым и настоящим. Это проза о памяти, о доме, который человек уносит с собой, куда бы ни привела его жизнь. О том, как из запахов, голосов и детских игр складывается внутренняя опора, остающаяся навсегда.

© Крагель Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Секретное место	5
Глава 2	7
Фильмоскоп	7
Глава 3	8
Радиохулиганки	8
Глава 4	10
Прятки на краю степи	10
Глава 5	12
Куренёвы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Людмила Крагель

Тополь, крыша и Иринка

Глава 1

Секретное место

Я выросла в небольшом степном городке на севере Казахстана.

Такие города на карте отмечены крошечной точкой — моргнёшь и пропустишь. Но для меня это была целая вселенная.

Город стоял посреди степи, как забытый чемодан на перроне. Ветер здесь никогда не отдыхал — зимой он свистел в щелях, гнал по улицам колючий снег, а летом перекачивал пыль, сухую траву и чьи-то газеты. Весной же степь вдруг оживала — ненадолго, будто стесняясь собственной красоты, — и пахла полынью, сырой землёй и чем-то горьковато-сладким, почти неуловимым.

Наша улица находилась почти в самом центре и считалась «немецкой». Домики — аккуратные, побелённые, с резными ставнями и обязательными палисадниками, где росли флоксы, георгины и укроп вперемишку с цветами.

Немцы давно обрусели: бабушки ещё могли вставить пару слов по-немецки, а молодёжь говорила только по-русски. Но порядок, чистота и особая хозяйственность чувствовались во всём — даже бельё на верёвках висело как по линейке.

Через дом от нас жила семья: брат Володя и сестра Ирина.

Я не помню, как мы познакомились с Иринкой — кажется, мы просто однажды вышли во двор и больше уже не расставались. Как будто дружба существовала раньше нас.

Иринка была как вихрь. Шустрая, любопытная, вечно в движении. Ей нужно было знать всё: где что случилось, почему случилось, кто виноват и — главное — что теперь делать.

Она появлялась и исчезала, как новость.

Я же была её полной противоположностью. Немного ленивая, неповоротливая, не слишком любопытная. Я жила в своём внутреннем мире: фантазировала, придумывала истории, разговаривала с облаками, строила планы на жизнь, которых никто, кроме меня, не видел.

Самым любимым моим занятием было забраться с крыши веранды на широкую ветку старого тополя.

Тополь был огромный, толстый, с шершавой корой. Его листья всё время шептались между собой, даже когда ветра не было. Летом ветка прогревалась на солнце, становилась тёплой, как печка. Я устраивалась на ней животом вниз, свешивала ноги, раскрывала книгу — и мир исчезал.

Сверху было видно половину улицы: заборы, огороды, бабушек с ведрами, кур, лениво ковыряющихся в пыли. В воздухе пахло нагретым деревом, молоком, хлебом и степной травой.

Тишина там была особенная.

Не пустая — живая.

Жужжали пчёлы, где-то скрипели ворота, перекликались соседки, но всё это будто происходило далеко-далеко, в другой жизни.

И вот именно в такие моменты обязательно появлялась Иринка.

— Людааа! — раздавалось с улицы.

Я замирала.

— Лю-ю-дааа! Ты где?!

А я лежала на ветке и делала вид, что меня не существует.
Не из вредности — просто не хотелось разрушать эту хрупкую идиллию.
За час она могла прибежать раз десять.
Прибежит, покричит, убежит. Потом снова.
А я мужественно хранила спокойствие, как партизан на задании.
У меня была кошка Муся. Серая, важная, с белыми носочками. Она тоже любила крышу.
Лежала неподалёку, грелась на солнце, дремала, выгнув спинку дугой. Иногда открывала один глаз — проверяла, не случилось ли чего интересного, — и снова засыпала.
В тот день всё было как обычно: жара, тишина, книга.
Где-то вдалеке снова послышалось: — Людааа!
Я только улыбнулась и перевернула страницу.
И вдруг краем глаза заметила: Иринка мчится по двору.
А Муся — почему-то оживилась.
Она присела, прищурилась, дёрнула хвостом.
И — прыг! Прямо ко мне на ветку. Но не рассчитала. Вместо ветки — на меня.
Когти — в руку.
— АААААА! — заорала я так, что, наверное, вся улица подпрыгнула.
Муся, не удержавшись, соскользнула, попыталась зацепиться, ещё раз царапнула — и полетела вниз.
В этот момент Иринка подняла голову.
Картина, видимо, была эпическая: я — распластанная на ветке, орущая, кошка — падающая с крыши, листья — летят во все стороны.
Иринка едва успела отскочить. Муся приземлилась в траву и, как ни в чём не бывало, убежала.
Наступила тишина. Мы с Иринкой смотрели друг на друга.
— Та-а-ак... — медленно протянула она. — Вот ты где прячешься...
С этого дня моё секретное место было рассекречено.
И больше никакой конспирации не существовало.
Теперь она просто лезла следом, усаживалась рядом, болтала без умолку, рассказывала все новости мира, а я делала вид, что ворчу... но на самом деле была рада.
Потому что даже самая сладкая тишина становится ещё лучше, если рядом сидит твой человек.
Наша улица вообще был целым миром — со своими законами, именами и легендами. И если кто-то попадал в этот мир, он уже не оставался просто «Олегом» или «Андреем». Двор сам решал, кем тебе быть.

Глава 2

Фильмоскоп

На нашей улице почти у всех детей были клички. Откуда они брались — одному Богу известно. Но попадали в точку и прилипали намертво, как репейник к штанине.

В семье Кнаус у каждого ребёнка была своя особая кличка. Все рыжие, конопатые — в мать-украинку, и только старший Сашка пошёл в отца — чернявый, горбоносый. Армян, одним словом. Так и звали его — Армян. Средний Витька — рыжий, веснушчатый, как домо-вёнок из мультика, поэтому Кузя. Андрей до безумия любил пельмени и однажды на своём дне рождения ел их с таким азартом, что подавился. С тех пор — Пельмень. А младшая Татьяна — маленькая, худенькая, тихонькая. Настоящая Кнопка. Мы иногда даже забывали их настоящие имена — клички были роднее.

Но самая «прикольная» кличка была у Олега.

Он жил на соседней улице, наш сосед по огороду. Внешность у него была необычная. Голова вытянутая, как орех, из-за этого глаза будто подпрыгнули вверх и немного выпирали. Нос чуть кривоват, рот тоже словно не совсем по центру. Почему он был такой — никто не знал. Может, родовая травма, а может, просто так распорядилась природа.

Кто-то однажды метко сказал: «Фильмоскоп!» — и всё. Прилипло.

И правда, было в нём что-то от старого фильмоскопа: круглые глаза, в которых будто крутилась своя плёнка.

Когда он появлялся из-за угла — высокая фигура, смешная походка, руки чуть в стороны — наша радость начиналась ещё до того, как он открывал рот.

Фильмоскоп был весельчак от Бога. Он умел рассказывать анекдоты так, что даже самые заезженные истории звучали как премьеры в кинотеатре. Он не просто рассказывал — он играл. Менял голос, изображал старушек, милиционеров, строгих учителей, показывал, как «тот упал», как «этот испугался», корчил такие рожицы, что мы катались по траве, хватаясь за животы.

Иногда он начинал рассказ серьёзным, трагическим тоном, а потом неожиданно делал паузу, выпучивал глаза ещё больше и выдавал финал — и мы взрывались смехом. Даже взрослые, которые сначала делали вид, что заняты своими делами, потом не выдерживали и улыбались.

С ним любая обычная дворовая история превращалась в спектакль. Как он рассказывал, что «бабка гнала гусей» — это была целая драма в трёх действиях. Мы слушали, раскрыв рты, а он будто щёлкал внутри нас кадры, один за другим.

Но, к сожалению, на нашей улице он был редкий гость. Приходил ненадолго — и так же внезапно исчезал. И когда он уходил, двор как будто немного тускнел. Мы ещё пытались пересказывать его шутки друг другу, но получалось уже не так. Смех был тише, паузы — длиннее, а глаза не «подпрыгивали».

И тогда становилось ясно: дело было не в кличке и уж точно не во внешности.

Не внешность красит человека.

Человека красит свет внутри — тот самый, который может превратить обычный вечер на пыльной улице в настоящее кино.

Мы росли шумной, разноголосой компанией. Нам всегда было мало просто встретиться во дворе — хотелось быть на связи даже тогда, когда заходишь домой. И однажды мальчишки решили, что раз телефонов нет — значит, надо их придумать.

Глава 3

Радиохулиганки

Сейчас всё просто: нажал кнопку — и сообщение улетело в секунду. Коснулся экрана — и видишь друга, который живёт хоть в Германии, хоть на краю света. А раньше... раньше новости носили на своих ногах. И ведь не ленились! Шли «за три девять земель», стучались в окна, перекрикивались через заборы. И каким-то чудом всегда находили друг друга, знали всё и были в курсе каждой мелочи.

Стационарных телефонов тогда не было почти ни у кого. А поговорить хотелось! И вот однажды мой брат со своим другом Вовкой решили стать... изобретателями. Мальчишки где-то раздобыли провода, протянули их через два двора — по забору, по столбам, как настоящие монтажники. У каждого дома стояло радио. Они что-то там подкручивали, подсоединяли, настраивали на нужную волну.

Тогда это было модно — «радиохулиганы». Люди выходили в эфир и переговаривались между собой. Вот и наши решили, что они ничем не хуже.

И правда, вечерами из Юркиной комнаты доносилось:

— Вовка! Вовка, ты меня слышишь? Приём!

— Слышу тебя, Юрка! Только не ори, мама думает, что у нас пожар!

— Пойдём шайбу гонять!

— Сейчас! Я только уроки... ну, почти доделал!

Иногда связь трещала, свистела, и они кричали друг другу так, будто между ними был океан, а не два дома.

Мы с Иринкой, конечно, слушали и завидовали. А однажды решили — а чем мы хуже?

Я пришла домой, она побежала к себе. До этого я подсмотрела, как брат крутит ручку настройки. Сердце колотится. Включаю радио, ищу волну... треск, шипение... И вдруг:

— Люда! Люда! Алё! Алё! Это я!

Голос у Иришки был тоненький, звонкий, как колокольчик. У меня — не лучше. Писклявые, детские голоса в эфире.

— Слышу! Слышу тебя!

— Правда?!

— Правда!

Мы смеялись, говорили о каких-то глупостях: кто какую куклу сегодня нарядил, кто какую оценку получил, кто завтра выйдет во двор раньше. Для нас это было настоящее чудо — мы нашли друг друга в невидимом пространстве!

И вдруг в эфир ворвался грубый мужской голос:

— Это что ещё за малявки в эфире? А ну, брысь отсюда!

Другой добавил:

— Сейчас в милицию сообщим!

Мы онемели. Руки задрожали. Я в панике крутанула ручку и выключила радио. Сердце стучало так, будто его слышал весь район.

Весь вечер мы с Иринкой ходили как пришибленные. Встречались глазами через улицу и шептались:

— А вдруг правда придут?

— А если нас заберут?

— А что скажут родители?

Мы представляли, как к дому подъезжает машина, как строгий дядя в форме спрашивает: «Кто тут эфир захватывал?» И мы уже мысленно прощались со свободой.

Конечно, никто не пришёл. Никакой милиции. На следующий день всё было как обычно: солнце, двор, смех.

Но тот вечер запомнился на всю жизнь.

Мы жили без телефонов. Без мессенджеров. Без видеосвязи. Но у нас были провода через два двора, крик в радио, стук в окно и ноги, которые всегда знали дорогу к другу.

И, может быть, связь тогда была даже крепче, чем сейчас.

Но никакие провода не могли заменить главного — живого двора. Стоило кому-то крикнуть «Выходи!» — и мы уже мчались на улицу. Потому что самая настоящая связь начиналась там — среди сараев, кустов и пыльной степи.

Глава 4

Прятки на краю степи

В детстве мы играли так, как сейчас уже, наверное, не играют.

Во дворе собирались человек десять-пятнадцать: Иринка, Ленка, Таня, Валя, я, младшие из Краусов и ещё с полулицы. Стоило кому-то крикнуть:

— Во что играем?!

И начинался совет, полный споров и страстей.

— В «резиночку»!

— Надоело!

— Тогда в «казаки-разбойники»!

— Опять ты со своими казаками!

— Прятки! — наконец кто-нибудь предлагал главное.

И всё. Решение принято.

Прятки были нашей королевской игрой. Считалка звучала как заклинание. Водящий утыкался лбом в столб или стену дома и громко считал:

— Раз, два, три, четыре, пять... я иду искать! Кто не спрятался — я не виноват!

Сначала мы прятались во дворе. За сараями, под лавочками, в кустах сирени. Сидишь, прижав колени к груди, слышишь шаги водящего — и сердце стучит так, что кажется, его слышно на всю улицу.

Но двор быстро стал «рассекречен». Все знали каждую дыру в заборе, каждый чердак, каждый куст.

Тогда территория расширилась.

Сначала — соседние улицы. Потом — ещё дальше. А однажды мы разделились на две большие команды и решили играть «по-крупному». Разбили город на кварталы.

Наш старт — улица Пролетарская, на которой мы жили. Дальше — через центральную площадь с памятником и фонтаном (который чаще не работал, чем работал). Потом — вдоль магазина, через тихий переулок и до самой школы, которая стояла на краю города, почти в степи.

Каждый квартал был как отдельное государство.

На Пролетарской — сараи, поленницы, старые гаражи.

У площади — под крыльцом Дома культуры, за афишами, в тени тополей.

Ближе к школе — заросли акации, овраг, пустыри.

Где мы только не сидели!

Однажды мы с Иринкой и Ленкой залезли в огромную кучу сена за чьим-то двором. Колючки впивались в ноги, в носу щекотало, хотелось чихнуть, но нельзя! Водящий ходил рядом и бормотал:

— Я знаю, вы где-то тут...

Мы смотрели друг на друга огромными глазами и беззвучно смеялись.

А потом настал тот день.

Все городские места уже были раскрыты. И когда пришла очередь нашей команды прятаться, мы решили: идём за школу. В степь.

Школа стояла на краю города. Дальше — только простор. Летняя степь была горячей и пахла полынью. Трава шуршала под ногами. Воздух дрожал от зноя. Где-то стрекотали кузнечики, а вдали лениво мычали коровы.

Небо — огромное, синее-синее. И мы — маленькие точки под ним.

— Сюда они точно не полезут, — уверенно сказала Валя.

— Конечно не полезут, — поддержала Иринка. — Им лень.

И тут мы увидели её — трансформаторную будку.

Небольшое бетонное здание, стоящее чуть в стороне. Казалось, идеальное место для прятков. Надёжно. Скрытно. Таинственно.

— Вот это место! — прошептала Ленка.

Дверь была закрыта на замок. Мы обступили её, как заговорщики.

— Давайте попробуем...

— Может, откроется?

— А вдруг внутри прохладно?

Мы тянули, дёргали, пытались поддеть палкой. Кто-то даже предложил:

— Может, камнем?

Но замок не поддавался.

Мы пыхтели, спорили:

— Сильнее тяни!

— Да ты не так тянешь!

— Отойди, я попробую!

И, к счастью, у нас ничего не получилось.

Тогда мы расстроились. А сейчас я понимаю — нас просто спас Бог.

Мы так и не поняли, какая это была опасность. Для нас это было всего лишь «классное место для прятков». А могло закончиться совсем иначе.

В итоге мы спрятались в высокой траве за будкой. Лежали, вжимаясь в землю, чувствуя, как по рукам ползут муравьи. Слышали, как далеко-далеко кричат:

— Раз, два, три... я иду искать!

И тогда всё снова стало игрой. Солнце, степь, смех, страх быть найденными и радость, когда удавалось первыми добежать до «дома».

Сейчас я думаю: мы были бесстрашными. Или просто очень наивными. Город казался огромным, степь — бесконечной, а жизнь — вечной.

И в тех прятках было что-то большее, чем просто игра.

Это было наше детство.

С азаром, спорами, криками:

— Я первый добежал!

— Нет, ты жульничал!

— Переигрываем!

И с сердцем, которое стучало так громко, что казалось — его слышит весь мир.

Мы росли быстро. Казалось, город уже изучен вдоль и поперёк. Но жизнь умела подбрасывать новые сюжеты — иногда прямо через дорогу.

Глава 5

Куренёвы

Мне было лет десять, когда на нашей улице появился новый дом с новой судьбой.

До этого там жили немцы — тихие, аккуратные, с ровными грядками и белыми занавесками. А потом вдруг ставни закрылись, двор опустел, и дом какое-то время стоял настороженно, будто ждал, кто в нём снова зажжёт свет.

И однажды утром к воротам подъехал грузовик.

В степном городке это всегда событие.

Любой шум — уже новость.

Я ещё только собиралась выйти во двор, как из-за угла, как всегда вихрем, вылетела Иринка.

— Люда! Ты слышала?! Ты видела?! У нас новые соседи!

И, не дожидаясь ответа, схватила меня за руку и потащила.

Во дворе стояли узлы, баулы, чемоданы, какие-то табуретки вверх ножками, перевязанные верёвкой. Пахло пылью, соляркой и свежесрубленными досками. Дом будто вывернули наизнанку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.